

ОДУХОВТОРЕННОСТЬ

ТАЛАНТА

Будущей весной исполнится пять лет работы молодой балерины Натальи Макаровой в Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова. Срок небольшой, но артистке есть чем отметить эту скромную дату.

Некоторые считают, что техническая отточенность и умение сами по себе определяют уровень подготовки балетного актера. Мне представляется, что не менее важно и другое — индивидуальность дарования. У Макаровой она проявилась уже на выпускном спектакле, когда она заканчивала Хореографическое училище по классу Е. В. Ширипиной. Были скептики, которые предсказывали молодой танцовщице печальное будущее. Они утверждали, что актерское дарование Макаровой отступит перед строжайшими законами технологии классического танца, что масштаб дарования ее невелик, а обаяние юности подменит силу таланта. Время опровергло эти предсказания. Искристый талант Макаровой расцветает с каждым годом. Расцветает разнообразно, многообещающе и глубоко.

В героинях Макаровой всегда есть подлинная человечность. Для нее в любой, даже схематичной роли, заложено зернышко, из которого произрастает живое чувство, активное отношение к сценическому действию.

Разве не это определило, например, успех ее последней работы — Царь-девица в балете «Конек-Горбун»? У Макаровой в этой роли нет повторения известного, а создан новый, родной ее актерской природе образ. Русская тема песенности, лучезарной сказочности оживает в ее Царь-девице. Легкое пожатие хрупких плеч, грустно наклоненная голова и локоток, задумчиво положенный на руку, улыбка, открытая «слову» Иванушки, и лукавая изобретательность, помогающая отвести от себя любовные домогательства смешного и глупого Хана, — вот, кажется, и все средства, а образ создан. Артистка рисует сказочную русскую девушку доброй и открытой, верной своему слову и чувству. Макарова танцует просто и ясно, радостно и задорно, напевно и задумчиво.

Но, может быть, в Царь-девице произошло простое совпадение характера героини и исполнительницы? Нет, в спектакле прямо противоположного жанра, который сами авторы называли хореографическим плакатом, Макаровой тоже принадлежит видное место. Речь идет о балете «Клоп», созданном балетмейстером Л. Якобсоном по мотивам произведений В. Маяковского.

Как невозможно постигнуть мир поэтических образов Маяковского без его страстной лирики, так и балетный спектакль, навеянный его творчеством, потерял бы свою живую интонацию без образа Зои Березкиной. Балетмейстер нашел в актрисе точное воплощение своего замысла.

Пластика Макаровой (образ Зои лишен танцев в привычном его понимании) одухотворена и предельно выразительна. Простенькое платьице, туфли на каблучках, красный платочек, серенькая спецовочка — наряд, ничем не помогающий созданию привычного лирического образа в балете. Но именно лиризмом, чистотой и достоверностью чувств, беззащитностью и доверчивостью привлекает нас Зоя — Макарова.

Исполнительница показывает, что ее героиня искренне верит Присыпину, отдаст ему свою любовь, веру в прекрасное будущее. Ее душа открыта новому. Ей и невдо-

мек, что перед нею клоп, которого надо раздавить.

В спектакле это делает сам Маяковский. Но поздно, Зоя уже не спасти. Великолепно играет Макарова сцену смерти героини. Смело поставленная балетмейстером, эта сцена очень трудна для актерского воплощения. Ничего эффектного, театрального, как говорится, выигрышного в ней нет. Но ее скрытый драматизм, ее образный смысл удивительно тонко передан актрисой.

Высвеченная лучом у той самой скамейки, где Присыпкин расписывал ей картины своего «революционного» прошлого и их светлого будущего, Зоя, как бы качаясь на ветру, словно тая в надвигающихся сумерках, сликается, исчезает на глазах. Она словно растворяется, сраженная горем. Актриса в ко-

ротком, пластически насыщенном эпизоде заставляет зрителя додумывать, возмущаться, протестовать и скорбеть вместе с Маяковским, опоздавшим предотвратить смерть Зои.

Очень непохожи эти две роли Макаровой, но их объединяет правда характеров, одухотворенность творчества.

Подлинному таланту дано радовать людей и постоянно обогащаться самому. Н. Макарова уже давно опровергла опасения за ее танцевальную технику. Этим она во многом обязана своему педагогу Н. М. Дудинской, в класс усовершенствования танца которой вошла после окончания училища. Взаимопонимание педагога и артистки проявляется в каждой новой работе Макаровой.

В свое время мне довелось писать о ее исполнении роли Жизели как о первой удачной роли в первый год ее творческого пути. Ныне весной этот образ как бы родился у Макаровой заново.

Н. Макарова танцует также в «Лебедином озере», «Шопениане» и «Бахчисарайском фонтане». Образы ее лирических героинь разнообразны, музыкальны и достоверны. Главное их качество — внутренняя одухотворенность.

Перед молодой танцовщицей раскрываются еще не изведанные горизонты. Ей предстоит сделать многое. Ее будущие работы на сцене вызывают доверие и интерес.

Г. КРЕМШЕВСКАЯ

Вечерний Ленинград

12 мая

65